

DOI 10.15393/j9.art.2016.3984

УДК 821.161.1.09“18”

Оксана Александровна Сосновская*Петрозаводский государственный университет
(Петрозаводск, Российская Федерация)*

sosna2679@yandex.ru

ОБРАЗ КНИГИ В РАННЕЙ ПРОЗЕ И. С. ШМЕЛЕВА*

Аннотация. Иван Сергеевич Шмелев начинал свой путь в литературе как детский писатель. В его ранних произведениях, адресованных детям, одним из наиболее часто встречающихся образов стал образ книги. Рассуждения писателя о необходимости приобщения детей к миру художественной литературы, о ее влиянии на становление и изменение мировоззрения как юного героя, так и взрослого, о способности не только расширить границы знания, но и стать ступенью духовного развития личности неоднократно встречаются на страницах детских произведений. Истоки веры Шмелева в нравственную силу художественного слова и его положительного воздействия на развитие ребенка обнаруживаются в биографии писателя, полюбившего читать с самого раннего детства. Сакральная связь человека и книги в художественном мире писателя становится своеобразным мерилем «духовности / бездуховности» героев. Символическое наполнение образа книги в произведениях Шмелева восходит к библейской и христианской образности. Читающий человек изображается носителем высокой духовной культуры, передающим ее другим людям. Образ книги в раннем творчестве писателя реализует по преимуществу свое прямое значение, дополняясь символическим смыслом: «жизнь как книга». Поэтому особенно дорогие сердцу героев воспоминания неоднократно именуются писателем «светлыми страницами». Христианская направленность в осмыслении книги как воплощения Слова, наиболее полно реализованная в позднем творчестве Шмелева, проявилась уже в его первых произведениях для детей.

Ключевые слова: Шмелев, образ книги, художественное слово, чтение, юный герой, жизнь как книга

Начало творческой биографии И. С. Шмелева связано с детской литературой и сотрудничеством с изданиями для детей и юношества. Особую роль в произведениях, адресованных детям, автор отводит чтению и книгам, считая их неиссякаемым источником мудрости. Истоки подобного отношения к чтению обнаруживаются в биографии самого Шмелева, с раннего детства душой привязанного к книгам. Несмотря на то, что «семья будущего писателя в известном

смысле не была просвещенной, в доме, кроме старенького Евангелия, молитвенников, поминаний, да в чулане на полках “Четьи Минеи” прабабушки Устиньи, других книг не было» [10, 10], юный Ваня Шмелев раскрывает секрет их добывания: «Первые книги мои — листовки, сказочки для народа <...> добывалъ я <...> во дворѣ. Эти листовки приохотили къ чтенію»¹. В воспоминаниях о своем первом издателе Д. И. Тихомирове, который также был автором грамматики, прочитанной Шмелевым в детстве, он так передает свои яркие впечатления от этой «маленькой <...> сокровищницы»:

Я до сихъ поръ помню многія чудесныя фразы, за которыя я полюбилъ эту маленькую грамматику. <...> Эти чудесныя фразы-предложенія <...> пост<a>вленныя знающей рукой. Это были слова нашихъ великихъ писателей, слова, вызывающія <...> столько чудеснаго, яснаго, дорогого. И не скучно, и пропа-ло сердитое, и правила уже не правила, а живая жизнь сидитъ таинственно заключенная въ буковки и смотреть на меня изъ этой книжки. И вотъ почему такъ дорога она мнѣ².

Своему любимому крестнику Иву Жантийому-Кутырину, отчасти заменившему ему потерянного сына, И. С. Шмелев писал: «А главное — надо читать» [2, 118], — уточняя, что он в его годы (Иву на момент письма было 10 лет. — О. С.) «целыми страницами писал, а читал столько, что тебе и не поднять, — такие толстые книги! И на все время было» [2, 110]. Подобное трепетное отношение самого писателя к чтению, вплоть до 20-летнего возраста жившего «в себе и в книгах» (цит. по: [8, 19]), не могло не найти отражения в его творчестве. В художественной реальности Шмелева книга — значимый образ.

Обратимся к произведениям для детей и юношества — повести «В новую жизнь» (1907) и рассказу «Полочка» (1909), — в которых образ книги является одним из самых частотных и включает в себе важные его черты, получившие развитие в последующем творчестве писателя.

Некоторые герои Шмелева повторяют путь самого писателя в приобщении к богатому миру художественной литературы. Ситуация «добывания книг во дворе» описана в рассказе «Полочка» (1909). Юный герой, отвечая на вопрос дяди о книгах,

которые он уже успел прочитать, говорит о том, что книжки ему «давал <...> дворник Степан»³. Впервые попав в дядину библиотеку, герой «с чувством благоговения и страха» (8, 96) взирает на высокие полки, уставленные книгами. «Тихое чувство благоговения» он испытывает каждый раз при взгляде на бесконечные ряды книг. Это же ощущение переживает он при встрече на похоронах дяди с его знакомыми, такими же ценителями литературы (8, 105). Радость от сопричастности к миру книг и литературы переполняет юного героя, когда он впервые входит в библиотеку:

У меня постукивало сердце, когда я поднимался по лестнице <...>. В комнатах совсем не было стен, — по крайней мере, я их не видел. Были пол, потолок, окна, двери и... книги. Они шли стройными рядами всюду, куда я ни глядел, в решетчатых полках, точно их собрали сюда со всего света. На самой крайней полочке, совсем под потолком, сидела большая головастая сова. В комнате стоял полумрак, и было тихо, *торжественно тихо, как в пустой церкви* (курсив мой. — О. С.) (8, 96–97).

Символично сравнение библиотеки с церковью, со священным местом, что делает это пространство сопричастным высшим сферам. Таким образом, в рассказе «Полочка» Шмелев неоднократно подчеркивает особую роль, авторитет художественной литературы, изображая человека несколько уничижительно перед «стройными, внушительными рядами, <...> полными скрытой, великой силы» (8, 106). Маркером особой ценности книг как сокровищниц человеческой мудрости является не только подчеркнутая их многочисленность («молчаливые ряды», сливающиеся «в сплошную стену»), но и образ совы, традиционно воспринимаемый как символ высшей мудрости⁴:

— Сова, брат, ночью не спит и во тьме видит. Вот она и сторожит всю эту мудрость, — постучал дядя по книгам (8, 97).

Этот образ-символ встречается в повести Шмелева «В новую жизнь» (1907), лейтмотивом которой также является положительное влияние чтения на формирование личности ребенка. Главный герой, мальчик Сеня, мечтая о будущем, представляет, что «в его комнате будет шкаф с книгами и чучелой совы, как у профессора», ставшего для него учителем

и наставником⁵. Смысловой и психологический контексты данных эпизодов сходны, как сходны и чувства обоих детей по отношению к людям, читающим книги: и профессор ботаники, и дядя — знаток и ценитель литературы, для юных героев наставники, оказывающие огромное влияние на их внутренний мир, на представления о духовно-нравственных ценностях.

Повесть «В новую жизнь» была написана Шмелевым для журнала «Юная Россия», в котором он тогда активно публиковался. Иван Сергеевич, в студенческие годы увлекавшийся естественными науками, выражает в повести свойственное ему в ту пору отношение к точным знаниям. В годы обучения в университете будущий писатель читал по преимуществу естественно-научную литературу. Вспоминая о том времени, Шмелев говорит, что тогда он «питал ненасытную “жажду знать”» (цит. по: [11, 36]). Обучаясь на юридическом факультете, Иван Сергеевич посещал огромное количество занятий на других факультетах, среди которых были лекции выдающегося русского ботаника К. А. Тимирязева, чья «Жизнь растений» «стала настольной книгой» писателя [7, 409]. Полюбившаяся книга явилась в некотором роде толчком к написанию повести о простом мальчике из деревни, попавшем в большой город и после долгих мытарств ставшем учеником профессора ботаники. Наука делается смыслом жизни Сени, средством осуществления мечты улучшить жизнь в родной деревне, развивая в ней сельское хозяйство. Знакомство со студентами, ставшими первыми из тех, кто направил мальчика на путь знаний, полностью меняет его жизнь. Первый раз войдя в комнату к студентам, Сеня видит «на окнах, на столе и даже на полу, в углу <...> книги», и это «признак знаменательный» (317), внушающий доверие к обитателям комнаты. Именно книги «откроют ему новый мир, вырвут его из затхлой мастерской, со дна жизни, заронят большие надежды» [6, 36]. Переживания и чувства, связанные с людьми думающими, любящими книгу, представлены автором в восторженном духе, потому как книга есть «духовный руководитель и вместилище вечных идей» [9, 168]: «читай <...> и постигнешь» (302).

Книга-друг — образ, встречающийся и в уже упомянутом рассказе «Полочка», где дядя обещает мальчику, что книги «будут <...> друзьями», если «читать хорошие <...>, где

говорится о жизни», потому как книга «не “Петрушка”, она не для смеху пишется! Она должна указывать людям, как надо и как не надо жить...». Поэтому он предлагает почитать для начала «Сказки Андерсена», что будет «лучше <...> “солдат” и “разбойников”» (8, 97), историями о которых снабжал героя дворник Степан. Мальчик недоуменно открывает для себя скрытую от него до сих пор истину: оказывается они со «Степаном даром тратили пятаки», покупая разные небылицы у торговцев книгами. Понимание того, что книги бывают разные, ошеломляет мальчика, начинающего осознавать смысл и силу художественной литературы (юный читатель «хлопал глазами», «радость <...> отразилась <...> на лице», «в тот памятный вечер в <...> сердце затеплилась искра» — все это будило в нем «тихое чувство благоговения» (8, 97)).

Среди дядиных книг в рассказе особо выделены «Записки охотника», которые Шмелев очень высоко ценил, считая это произведение лучшим из всего созданного И. С. Тургеневым. Первый рассказ «У мельницы», написанный Шмелевым внезапно, «с маху»⁶, стилистически похож именно на «Записки охотника» [11, 33]. Эту книгу советуют прочитать главному герою повести «В новую жизнь» студенты, решившие помочь мальчику: «Читать умеешь?.. <...> Вон красненькую-то возьми... “Записки охотника”» (317). Вполне возможно, что на книжной полке студентов было петербургское издание этого произведения в красном переплете, вышедшее в 1893 году в типографии Глазунова⁷.

Сцена чтения рассказов Тургенева, полученных дворником Степаном от дяди в «Полочке», показывает, насколько сильное впечатление производит художественное слово на простого человека, в руки которого попало произведение настоящей литературы:

Разложив на столе полотенце и спустив руки на край стола, Степан читал при свете маленькой лампочки. На лбу его сверкали капельки пота.

— Что, Степан, интересно?

Он поднял голову и шмурыгнул носом.

— Дюже хорошо! — сказал он, вздыхая. — Про «Записки охотника»... Про нашу хрестьянскую жизнь сказано. Так, что это прямо что-нибудь особенное!..

— Ишь, весь стол захватил! — сказала кухарка. — Карасин тратишь...

Я сказал ей, что обязательно надо читать, — пусть она даже у дяди спросит. Степан сдунул листок на другую сторону — он боялся замазать пальцами, — и сказал:

— Это все дикое необразование. Книга надлежит для научного употребления, а карасин для света! Я с ним вполне согласился (8, 98–99).

Книгу дворник прочел трижды. После смерти дяди, узнав от мальчика, что он может оставить «Записки...» себе «на память», сказал:

— Вот буду помнить старичка... царство ему небесное... Какой человек-то был! — сказал он с чувством. — Такой человек... так это прямо... что-нибудь особенное!.. (8, 107).

Слова дворника косноязычны, почти примитивны, но эмоционально насыщены и выразительны. Его боязнь запачкать страницы книги пальцами, капельки пота от старательного желания вникнуть в тайный смысл, заключенный в ней, — все это ярко иллюстрирует намерение Шмелева изобразить способность любого, даже самого простого человека к пониманию литературы, постижению духовного содержания произведения, ведь, по словам И. Ильина, «настоящий читатель *живет* вместе со своим автором, во след ему, *населая свои душевные пространства* его образами и помыслами и пребывая в них»⁸ [3, 7].

Переживая за судьбу дядиных книг, которые «запаковали в кули и продали торговцу книгами», мальчик вдруг понимает, «что лучше, чтобы они ходили из рук в руки и говорили так, как они могут говорить, — мыслями, втиснутыми в черные строки...» (8, 106).

Для Шмелева-гимназиста, а позднее — студента, одним из богатых источников книжной продукции была лавка Соколова на Калужской, где, помимо дешевых книг-листочков, продавались и редкие книги, попадавшие в эту лавку из Мещанской богадельни от скончавшихся там стариков (см. об этом: [10, 17–18]).

В повести «В новую жизнь» есть описание подобной торговли книгами — книжного развала, на котором «букинист Пахомыч, “просвещенный человек”» (300), продавал книги. Знаменательно, что первая книга, которую предлагает интересующимся литературой прохожим Кирилл Семеныч, из любви к науке помогавший букинисту Пахомычу в торговле, — рассказ Льва Толстого «Чем люди живы». Вероятно, причиной упоминания этого произведения в повести послужило то сильное эмоциональное впечатление, которое оно произвело на самого Шмелева в детстве. Эта книга, подаренная лакеем, служившим в доме Толстого в Хамовниках, стала одним из первых прочитанных писателем произведений этого автора. Именно после прочтения этого рассказа юному Шмелеву захотелось купить в лавке Соколова еще что-нибудь из написанного тем загадочным графом, «который сам ходит за водой, одевается по-деревенски, посещает простые бани за пятак» [10, 18].

Впервые попав вместе со своим покровителем на Сухаревскую площадь («Сухаревку»), где шла бойкая торговля разными товарами, в том числе и книгами, Сеня услышал о том, что книги не только развлекают, но и учат многому. Тут он получает бесценный подарок — географию и арифметику, с которых начнется большой путь мальчика в мир знаний, смыслов, увлекательных историй. Необыкновенно ярко и выразительно описаны Шмелевым типы людей, на которые подразделяет их простой рабочий Кирилл Семеныч в зависимости от того, какими книгами они интересуются. Те, которые с интересом останавливались у ларя Пахомыча, «были все люди стоящие» (301), среди которых особенной симпатией пользовались студенты:

— Ишь, беднота какая, говорил про них Кирилл Семеныч, с любовью оглядывая выгоревшую фуражку и швы на пальто студента. — И шубы у него нет, а *душа теплая* (курсив мой. — О. С.)... Он сидит-сидит с книжкой, — глядь и избобрел что... (302).

Образ читателя с «теплой душой» актуализирует сакральную связь человека и книги, становящейся своеобразным мериллом «духовности / бездуховности» героев.

Мотив отношения к чтению и книгам развивается и углубляется в рассказе «Полочка». Книги в художественном мире писателя — «живые» (8, 103), так как в них «часть сердца человека» (8, 97), их написавшего. Приобщившись к миру художественной литературы, юный герой за каждой книгой «видел людей, <...> знал их. Они глядели <...> там, с высоких полок! Они втиснули свое сердце в черные ряды строк на белой бумаге» (8, 103). Детское воображение образно и эмоционально рисует картины оживающих книг: герою кажется, «что они... смотрят <...> с полка и молчат, думают, думают... <...>, что кто-то шепчет <...> что-то... Может быть, это постукивало сердце, <...> но чудилось, что кто-то шепчет...» (8, 99).

Именно поэтому неуважение к книге равно неуважению к человеку. Мальчик увидев, как брат умершего дяди «швырнул <...> книгу», пришел в негодование, а потому сам «бережно поставил книгу на место» (8, 104). Символическое наполнение образа книги в произведениях Шмелева, в итоге, восходит к библейской и христианской образности. Читающий человек изображается носителем высокой духовной культуры, передающим ее другим людям. Неслучайно дядя — ценитель и почитатель настоящей литературы, открывающий юному герою ее значимость и скрытую силу, — после смерти изображается с просветленным лицом («оно было такое же, как и при жизни, только стало как-то светлее» (8, 104)), а книгу в его руках заменяет образок. Эти два предмета — книга и образок, — сменившиеся один на другой, становятся маркерами высокой духовности героя.

Трепетного отношения к книге не лишены даже самые простые люди. Так, дворник Степан из рассказа «Полочка», принимая книгу из рук дяди, «вытянул руки, точно принял благословение» (8, 99).

Образ книги в художественном мире писателя многогранен. Сама жизнь есть книга, потому неоднократно особенно дорогие сердцу воспоминания героев именуется писателем «светлыми страницами». Эта мысль рефреном повторяется как в заглавии рассказа «Светлая страница», так и во многих других произведениях Шмелева, например, в повести «В новую жизнь»: «Чья-то властная рука вырвала из <...> жизни самую светлую

страницу» (331); в рассказе «Рваный барин»: «Это была одна из светлых страниц моей жизни» (8, 151) и, наконец, в «Старом Балааме»: «Я вспомнил светлую страницу — в прошлом» (2, 347).

Начав свой длинный читательский, а затем и писательский путь с грамматики Д. И. Тихомирова, ставшей «первым толчком к чудесному, первым знаком будущей и трудной, и прекрасной дороги <...> к иным путям, свѣтлым»⁹, писатель наставляет на этот путь и своих читателей. Главным назначением детского произведения он считал способность «ободрять <...>, звать к свету» [1, 187].

По словам Ильина, близкого друга и единомышленника Шмелева, «читать — значит искать и находить: ибо читатель как бы отыскивает скрытый писателем духовный клад, желая найти его во всей его полноте и присвоить его себе. Это есть творческий процесс, ибо воспроизводить — значит творить. Это есть борьба за духовную встречу...» [4, 15]. Именно о такой *духовной* встрече с читателем своих произведений мечтает каждый писатель. И Шмелев не исключение. Уже в самом начале творческого пути в письмах одному из первых своих издателей, Н. А. Альмединген, редактору юношеского журнала «Родник», он писал о своих тревожных мыслях по поводу состояния детской литературы и об огромном желании внести вклад в ее развитие:

Напишешь работу, пойдет она в разные концы... Подумаешь — ну, прочтут несколько тысяч незнаемых, ну, и что же? Да и прочтут ли? И выколотит суровая серость жизни заработавшие мысли из юных головок... И вдруг — какой-нибудь отзвук-письмецо с далекой окраины, написанное каракулями, слово школьного учителя, известие, что вот, мол, читали всем классом — как это было, напр., с моим рассказом — «Письмо б<ез> марки...» — бросит светлый луч в душу и согреет. Нет, что-то остается *там*, б. м., уже крепнут ростки, хоть кое-что сделал ты. И дороги эти отзвуки, и бодрее глядишь в своей невидной работе (цит. по: [1, 187]).

С раннего детства испытав на себе силу эмоционального воздействия художественного слова, Шмелев старался воплотить это свойство и в своем творчестве. Став признанным

писателем, Шмелев в письме к О. А. Бредиус-Субботиной так говорит о высоком назначении литературы:

Художественное слово *все* может: петь, лепить, творить краски, музыку, игру, — все. Слово — выражение сердца, ума, глаза, — всех чувств. Оно, такое, с виду, простое... буквы... — оно — Слово! — “Logos” — Оно, Великое, — Плоть Быть! Выше Его — нет. Слово — Бог, Творец. Все вбирает и все творит [5, 247].

Далее писатель называет искусство «младшей сестрой» религии, подчеркивая их тесную родовую связь [5, 243]. Шмелев настаивал на том, что задачей подлинного художественного произведения является просветление и освящение реальности, его способность быть гимном всему существующему [5, 486]. Зачатки подобного отношения к литературе и ее предназначению обнаруживаются уже в самых ранних произведениях писателя, в которых автор пытается донести до юного читателя веру в великую силу художественного слова, его способность расширить не только границы знания, но и стать ступенью духовного развития личности. Семантика образа книги на протяжении творческого пути писателя меняется. В раннем творчестве образ книги реализует по преимуществу свое прямое значение, дополняясь символическим смыслом «жизнь как книга». Направленность авторского осмысления книги как Слова, наиболее полно реализованная в позднем творчестве, проявилась и в первых произведениях для детей, в которых автор призывает своих героев постигать тайны истинной литературы и надеется на духовное общение со своими читателями посредством художественного слова.

Примечания

* Исследование выполнено по гранту Министерства образования и науки России «Новые источниковедческие и текстологические исследования русской словесности XIX–XX веков» (№ 34.1126).

¹ Автобиография с библиографическими сведениями о напечатанных произведениях // НИОР РГБ. Ф. 387. Карт. 10. Ед. хр. 1. Л. 1.

² «Добрые встречи» (Из воспоминаний о Дмитрие Ивановиче Тихомирове) // НИОР РГБ. Ф. 387. Карт. № 5. Ед. хр. 11. Л. 1–2.

³ Шмелев И. С. Полочка // Шмелев И. С. Собр. соч.: в 5 т. Т. 8 (доп.): Рваный барин: Рассказы. Очерки. Сказки. — М.: Русская книга, 2000. С. 97. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте статьи с указанием тома и страницы в круглых скобках.

- ⁴ Символы, знаки, эмблемы: энциклопедия / авт.-сост. д-р ист. наук, проф. В. Э. Багдасарян, д-р ист. наук, проф. И. Б. Орлов, д-р ист. наук В. Л. Телицын; под общ. ред. В. Л. Телицына. М.: ЛОКИД-ПРЕСС, 2003. 495 с.
- ⁵ Шмелев И. С. В новую жизнь // Дорога к солнцу: владимирский период жизни и творчества Шмелева. Владимир: Транзит-ИКС, 2013. С. 333. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте статьи с указанием страницы в круглых скобках.
- ⁶ Так вспоминает писатель об охватившей его вдохновенной силе в автобиографическом рассказе «Как я стал писателем». См.: Шмелев И. Родное. Про нашу Россию. Белград: Русская библиотека, 1931. С. 163.
- ⁷ Тургеневъ Ив. Записки охотника. СПб.: Типографія Глазунова, 1893. 386 с.
- ⁸ Цитата приводится в современной орфографии.
- ⁹ «Добрые встречи» (Из воспоминаний о Дмитрие Ивановиче Тихомирове) // НИОР РГБ. Ф. 387. Карт. № 5. Ед. хр. 11. Л. 1.

Список литературы

1. Вильчинский В. И. С. Шмелев в журнале «Родник» // Русская литература, 1966. — № 3. — С. 185–190.
2. Жантийом-Кутырин И. Мой крестный: воспоминания Ива Жантийома-Кутырина об Иване Сергеевиче Шмелеве. — М.: Изд-во им. Сабашниковых, 2010. — 128 с.
3. Ильинъ И. А. О тьмѣ и просвѣтленіи. — Мюнхенъ: Типографія Обители прп. Иова Почаевского въ Мюнхенѣ-Оберменцингѣ, 1959. — 196 с.
4. Ильин И. А. О чтении. Предисловие к книге «Поющее сердце. Книга тихих созерцаний» // Уроки литературы. — 2013. — № 7. — С. 14–15.
5. И. С. Шмелев и О. А. Бредиус-Субботина. Роман в письмах: в 2 т. — М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2003. — Т. 1. — 760 с.
6. Костылева И. А. Начало пути. Творчество И. С. Шмелева Владимирского периода // Дорога к солнцу: владимирский период жизни и творчества Ивана Сергеевича Шмелева. — Владимир: Транзит-ИКС, 2013. — С. 29–36.
7. Кутырина Ю. А. Иван Сергеевич Шмелев (Биографический очерк, составленный Ю. Кутыриной) // Ив. Шмелев. Избранные рассказы. — Нью-Йорк: Изд-во имени Чехова, 1955. — С. 405–412.
8. Осьминина Е. А. Проблемы творческой эволюции И. С. Шмелева: дис. ... канд. филол. наук. — М., 1993. — 166 с.
9. Панченко А. М. Русская культура в канун Петровских реформ. — Л.: Наука, 1984. — 205 с.
10. Солнцева Н. М. Иван Шмелев. Жизнь и творчество : жизнеописание. — М.: Эллис Лак, 2007. — 511 с.
11. Сорокина О. Н. Московянина: Жизнь и творчество Ивана Шмелева. — М.: Московский рабочий, Скифы, 1994. — 400 с.

Oksana A. Sosnovskaya

*Petrozavodsk State University
(Petrozavodsk, Russian Federation)*

sosna2679@yandex.ru

THE IMAGE OF THE BOOK IN IVAN SHMELEV'S EARLY PROSE

Abstract. Ivan Sergeevich Shmelev began his career in literature as a children's writer. In his early works addressed to children one of the most frequent images was the image of the book. Throughout the pages of children's books the writer once and again talks about the necessity of introducing children to the world of fiction, about its ability to influence the formation and evolution both of a young hero's worldview and of an adult's attitude, about an ability of the book not only to expand the boundaries of knowledge, but also to become a stage in spiritual development of a person. The origins of Shmelev's belief in the moral force of an artistic word and its positive influence on child development are seen in the writer's biography, accustomed to reading since his childhood. A sacred tie between a person and books in the artistic world of the writer becomes a kind of criterion of "spirituality" or "spiritual impoverishment" of the characters. A symbolic content of the image of the book in the works of Shmelev dates back to Biblical and Christian figurativeness. A reading man is depicted as a carrier of high spiritual culture, transmitting it to others. The image of the book in writer's early works mainly implements its direct mission, accompanied with its symbolic meaning of "life as a book". That is why the heroes' most cherished memories are repeatedly called "bright pages" by the author. The focus of the author on Christian understanding of a book as the Word, largely embodied in his later works, is manifested in his first works for children.

Keywords: Shmelev, image of the book, artistic expression, reading, the young hero, life as a book

References

1. Vil'chinskiy V. I. S. Shmelev v zhurnale «Rodnik» [Ivan Shmelev in the Journal "Rodnik (Spring)"]. *Russkaya literatura*, 1966, no. 3, pp. 185–190.
2. Zhantiyom-Kutyryn I. *Moy krestnyy: vospominaniya Iva Zhantiyoma-Kutyryna ob Ivane Sergeeviche Shmeleve* [My Godfather: Memories of Yves Zhantiyom-Kutyryn about Ivan Sergeevich Shmelev]. Moscow, Izdatel'stvo imeni Sabashnikovyykh Publ., 2010. 128 p.
3. Il'in I. A. *O t'me i prosvetlenii* [About Darkness and Enlightenment]. Munich, The Monastery of St. Job of Pochaev in Munich-Obermenzing, 1959. 196 p.
4. Il'in I. A. O chtenii. Predislovie k knige «Poyushchee serdtse. Kniga tikhikh sozertsanii» [About Reading. The Preface for the Book "The Singing Heart. Book of Silent Contemplation"]. *Uroki literatury*, 2013, no. 7, pp. 14–15.

5. I. S. Shmelev i O. A. Bredius-Subbotina. *Roman v pis'makh: v 2 tomakh* [I. S. Shmelev and O. A. Bredius-Subbotina: *The Novel in Letters: in 2 Vols*]. Moscow, "Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya" (ROSSPEN) Publ., 2003, vol. 1. 760 p.
6. Kostyleva I. A. Nachalo puti. Tvorchestvo I. S. Shmeleva Vladimirsogo perioda [The Beginning of the Way. Shmelev's Creative Work During Vladimir Period]. *Doroga k solntsu: vladimirskiy period zhizni i tvorchestva Ivana Sergeevicha Shmeleva* [The Road to the Sun: Vladimir Period of Life and Work of Ivan Shmelev]. Vladimir, Tranzit IKS Publ., 2013, pp. 29–36.
7. Kutyryna Yu. A. Ivan Sergeevich Shmelev (Biograficheskiy ocherk, sostavlennyy Yu. Kutyrynoy) [Ivan Sergeyevich Shmelev (Biographical Sketch Compiled by Yu. Kutyryna)]. *Iv. Shmelev. Izbrannyye rasskazy* [Ivan Shmelev. Selected Stories]. New York, The Chekhov Publishing House, 1955, pp. 405–412.
8. Os'minina E. A. *Problemy tvorcheskoy evolyutsii I. S. Shmeleva: Dis. ... kand. filol. nauk* [The Problems of Creative Evolution of Ivan Shmelev. PhD. philol. sci. diss.]. Moscow, 1993. 166 p.
9. Panchenko A. M. *Russkaya kul'tura v kanun Petrovskih reform* [Russian Culture on the Eve of Petrovsky Reforms]. Leningrad, Nauka Publ., 1984. 205 p.
10. Solntseva N. M. *Ivan Shmelev. Zhizn' i tvorchestvo: zhizneopisanie* [Ivan Shmelev. Life and Creative Work: Biography]. Moscow, Ellis Lak Publ., 2007. 511 p.
11. Sorokina O. *Moskoviana: Zhizn' i tvorchestvo Ivana Shmeleva* [Moskoviana: Life and Creative Work of Ivan Shmelev]. Moscow, Moskovskiy rabochiy Publ., Skify Publ., 1994. 400 p.

Дата поступления в редакцию: 28.09.2016